

Раздел 1

ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА: НОВЫЕ ИМЕНА

О. В. Семенов

К ВОПРОСУ О ВОЕННОЙ УГРОЗЕ ДЛЯ ВЕРХОТУРСКОГО УЕЗДА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СМУТЫ

Включение в состав Русского государства обширных территорий «за Камнем» поставило перед московским правительством ряд важнейших вопросов, от успешного решения которых напрямую зависела дальнейшая судьба новоприобретенного края. Одна из наиболее насущных проблем заключалась в формировании государственной политики по отношению к обитавшему здесь коренному населению.

При всем многообразии существующей историографии практически все исследователи согласны с тем, что российская система управления аборигенами Урала и Сибири была достаточно гибкой, не слишком болезненной и довольно эффективной. Заинтересованное в исправном поступлении ясака и прекрасно осознавая слабость собственных позиций в регионе, государство, опираясь на местную знать, фактически оставило в неприкосновенности традиционные формы внутреннего управления сибирских народов и сохранило издревле существовавшие принципы налогообложения¹. Вполне разумной была и религиозная политика. Вплоть до конца XVII в. запрещалось насильственное крещение коренных жителей, как, впрочем, не всегда одобрялся (в данном случае речь идет о лицах незнатного происхождения) и их добровольный переход в православие, поскольку это грозило сокращением численности ясачного контингента². Следуя неуклонному предписанию наказов действовать «лаской, а не жесточью», воеводы проводили политику защиты вогульско-остяцких

земель и угодий от разного рода посягательств со стороны русских переселенцев³. Никакой дискриминации не существовало также в случае обращения местного населения к воеводскому суду. Нормы общероссийского законодательства умело сочетались здесь с обычным правом, а смертные приговоры не выносились даже убийцам⁴. Будучи людьми государевыми, ясачные люди широко использовали право подачи челобитных. В этом они, как правило, встречали поддержку и понимание властей, которые довольно оперативно реагировали на их просьбы: зачастую аборигенам предоставлялось право самим собирать и привозить в уездный центр «мягкую рухлядь», время от времени сокращался размер взимаемой дани (которая в суммарном отношении была меньше тягла крестьян и посадских людей), прощались недоимки за предшествующие годы, усиливался контроль за ясачными сборщиками и т. д.

Помимо разумной государственной политики, более или менее безболезненному сосуществованию коренного и пришлого населения способствовал также ряд других факторов, а именно наличие свободных для освоения земель, взаимная заинтересованность в обмене, постепенное сближение русских и аборигенов в хозяйственном и культурном отношениях⁵. В конечном счете, не будет сколько-нибудь серьезным преувеличением утверждение о том, что ясачные народы находились в куда более легком положении, чем оседавшее здесь податное русское население.

Конечно же, в действительности положение коренного населения не было столь уж безоблачным. Многочисленные злоупотребления воеводского аппарата, конфликты на хозяйственной почве, тенденция к постепенному сокращению внутренней автономии, рост задолженности аборигенов вследствие невозможности выплатить ясак в полном объеме – составляли другую сторону сибирской действительности. Вот почему, несмотря на мирный в целом характер отношений между русским и коренным населением, на протяжении всего XVII столетия над территориями Сибири и Зауралья маячил призрак «шатости» и «измены» (особенно явный в моменты ослабления центральной и местной властей), вследствие чего военные функции воевод занимали одно из ведущих мест в их деятельности.

Несмотря на то, что Верхотурье никогда не являлось порубежным городом, вряд ли полностью справедливо встречающееся в литературе довольно категоричное утверждение о том, будто «даже в беспокойном XVII в. для него не существовало реальной угрозы осады» со стороны нерусского населения⁶. Многочисленные свидетельства, наоборот, указывают на нередкое отсутствие особой миролюбивости со стороны окрестных вогуличей, которые, воодушевляясь набегами сибирских царевичей, могли доставить много хлопот и головной боли местной администрации. Военное значение края усиливал и тот факт, что ратные функции

верхотурского воеводы простирались далеко за рамки своего уезда. Так, в 1607 г. в Туринский острог, ввиду ожидаемого нападения Кучумовичей, им были посланы 10 стрельцов и казаков. Спустя всего четыре года силы верхотурского гарнизона были привлечены к подавлению готовившегося возмущения пелымских вогуличей⁷.

Численность гарнизона Верхотурья явно не соответствовала тому важному стратегическому и административному положению, которое оно занимало. В конце XVI в. в городе имелось 46 стрельцов, переведенных сюда из ликвидированного Лозьвинского городка, численность которых к 1624 г. возросла всего лишь до 68 человек⁸. Данный факт, а также широкая практика использования служилых людей в отправлении различных государевых служб (охрана и транспортировка грузов, конвоирование ссыльных, сбор ясака и т. д.) существенно ослабляли обороноспособность уезда. Эта проблема была общей для всех без исключения сибирских воевод: известны многочисленные отписки с жалобами на то, что в случае военной угрозы «города и острогу осадить некем», как и некому «поделати» городовые укрепления⁹. Тем не менее политика Москвы зачастую противоречила интересам безопасности. В целях экономии средств и сокращения расходов, приказные дельцы с большой неохотой давали согласие на увеличение численности гарнизонов и сурово наказывали представителей администрации за практику самовольного верстания в ряды приборных людей. К тому же вплоть до конца третьей четверти XVII в. Верхотурье не имело надлежащих укреплений: вокруг города располагался один только острог, тогда как составленный из городской кремль попросту отсутствовал¹⁰.

Трагические времена русского лихолетья стали для окраинных территорий суровым испытанием. По справедливому замечанию П. Н. Буцинского, «Смута в Русском государстве в начале XVII в. была не только в Европейской Руси, но и во всей Сибири»¹¹. К голоду, охватившему города и остроги края вследствие нерегулярного подвоза продовольствия (к примеру, в 1609 г. в Верхотурье по «сибирским отпускам» пришло всего лишь 64 чети муки и 14 четей круп и толокна)¹², бегству и обнищанию тяглого и служилого населения добавилась крайне неспокойная обстановка среди аборигенов. Именно события начала XVII столетия с наибольшей силой продемонстрировали ту роль, которую в качестве основного проводника государственной политики играла на местах воеводская администрация. В условиях резкого ослабления центральной власти (а то и ее полного отсутствия) воеводы не только сумели обеспечить бесперебойное функционирование необходимых институтов (налоговой системы и т. д.), но и не допустили массового восстания коренного населения (лишь выступление остяков Березовского уезда в 1607 г. привело к широкомасштабным боевым действиям).

Можно выделить несколько факторов, благодаря которым в начале XVII в. обстановка в Зауралье достигла особого напряжения. В первую очередь, это ослабление власти в Москве. Не случайно в 1612 г. пелымские вогуличи, проявляя завидную осведомленность в отношении столичных дел, объясняли свое намерение воевать Пелым и Приуралье тем, что «государя на Москве нет, ныне-де одни в Сибири воеводы, а людей русских мало во всех сибирских городех»¹³. Недовольство у аборигенов возникало также в связи с сокращением подвоза продовольствия. Отсутствие же в распоряжении воевод многочисленных воинских контингентов не могло не вселять в них уверенность в безнаказанности любых антигосударственных действий.

Одним из первых (если не первым) в эпоху Смуты случаев достаточно широкого проявления аборигенами Зауралья недовольства русским владычеством стали события вокруг соляного промысла на речке Негла. Этот крайне интересный эпизод сибирской действительности не нашел подробного освещения в имеющейся историографии. К тому же если исследователи и уделяли ему некоторое внимание, то зачастую их выводы и замечания содержали определенные неточности, а то и откровенные ошибки.

Поиски соляных источников на территории Сибири и Зауралья, по видимому, предпринимались с момента присоединения края к России. Во всяком случае, известна царская грамота березовскому воеводе И. Г. Волынскому (от 8 февраля 1600 г.), в которой сообщалось о посылке из Тобольска «на Березов для соляного промыслу пушкаря Ворошилка да стрелца Федку Рожа». Вместе с прибывшими из Соли Вычегодской специалистами (солеваром и цыренным мастером) они должны были на реке, «где течет соляная вода», организовать промысел¹⁴. По не вполне понятным причинам эта затея не удалась, однако поиски месторождений соли продолжились с еще большим энтузиазмом. Они осуществлялись под непосредственным руководством Тобольска, что лишний раз показывает справедливость вывода о постепенном утверждении с конца XVI в. порядка, согласно которому «главный воевода разрядного города являлся высшей властью для входящей в разряд уездной администрации»¹⁵.

Примерно в то же самое время, когда была организована экспедиция в Березовский уезд, тобольские власти получили очень важное сообщение из Пелыма. Из отписки воеводы Т. И. Траханиотова и письменного головы П. Г. Вердеревского следовало, что стрельцом Васькой Осетром всего в 10 верстах от города был обнаружен «росол соляной на речке на Покчинке». Более основательные попытки «того росолу... сыскивать» пришлось отложить, поскольку «та росольная вода в те поры снялась с снежною водою», отчего «развесть было ее немочно». Не ясно, предприняли ли впоследствии пелымские власти повторную попытку разведать

упомянутые соляные источники, однако у тобольского начальства имелись определенные основания подозревать Т. И. Траханиотова в отсутствии должного рвения к тому, чтобы «учинить государеву прибыль». Вот почему разрядная администрация решила взять инициативу в свои руки.

Летом 1600 г. тобольский воевода С. Ф. Сабуров направил в Пелым уже известного нам пушкаря Ворошилку Власьева. Уездным властям предписывалось ввести его в курс дел и обеспечить в сопровождении стрельцов и целовальника незамедлительный проезд до Покчинки. В задачи Ворошилки входили осмотр местности (в том числе выбор места для варницы и определение способа доставки дров), а также пробная варка соли¹⁶.

По каким-то причинам экспедиции пришлось изменить ранее намеченные планы и перенести свою работу на небольшую речку Неглу, впадающую с юга в Сосьву. Здесь был обнаружен очень качественный рассол, неподалеку от которого располагался необходимый для топлива лес. Данные факторы, а также наличие условий для проживания (по сообщению В. Власьева, там имелось все, чтобы людям было «жить мочно») окончательно убедили Тобольск в необходимости основания соледобывающего промысла¹⁷.

Несмотря на то, что Негла входила в состав Верхотурского уезда, организация соледобычи на ней легла на плечи не столько верхотурцев, как не вполне верно отмечается в ряде научных изданий¹⁸, сколько администрации Пелыма. Именно воевода Т. И. Траханиотов выделил для работ основную часть людей и обеспечил их всем необходимым. Из Верхотурья же на тот момент прибыло всего лишь четыре стрельца и два пашенных крестьянина¹⁹.

Разработка соляных месторождений и их эксплуатация требовали немалых трудозатрат и специальных знаний. Вот почему в октябре 1600 г. из Тобольска на Неглу выехали профессиональные кадры: уже известный нам В. Власьев, незадолго до этого вернувшийся в разрядный центр, а также цыренный мастер Васька Петров и солевар Павлик Аврамов (последние, по-видимому, и являлись теми самыми сольвычегодцами, о которых С. Ф. Сабуров несколькими месяцами ранее сообщал березовскому воеводе). Пелымская администрация обязывалась, «не мешкая ни часу», обеспечить им надежную безопасность и снабдить рабочей силой: дать стрельцов, плотников и привлеченных в качестве повинности крестьян и вогуличей. В максимально сжатые сроки следовало поставить варницу, соляной амбар, двор с двумя избами и клетью, подготовить необходимое количество дров. На долю аборигенов и русских тяглецов ложилась также дополнительная обязанность по доставке прибывшего из Тобольска в Пелым оборудования – цырена, железных полиц и прочих «снастей» (порубни, каракули, дуги, гвозди и т. д.).

Основная цель системы местного управления Московского государства заключалась в увеличении казенных поступлений и поиске новых источников дохода. Не случайно во всех воеводских наказах как Европейской России, так и Сибири всегда содержалось недвусмысленное предписание «во всем государеве казне прибыли искати»²⁰. Однако подобная установка входила в явное противоречие с не менее важной функцией властей заботиться о том, чтобы «земле тягости не навести», и вызывала соответствующую реакцию у населения. Уже давно является доказанным, что миряне вовсе не отказывались от уплаты четко фиксированного размера налогов и несения определенного объема повинностей. Тем не менее увеличение тягла всегда воспринималось ими крайне враждебно и расценивалось как проявление воеводских злоупотреблений, нарушение «государевых интересов»²¹. Ответом могли стать многочисленные челобитные, побеги или же открытые выступления. Еще сложнее дело обстояло с коренными народами края, возмущение которых зачастую приобретало откровенно антирусский характер (вот почему на протяжении XVII в. трудно найти хотя бы один пример их совместного выступления с крестьянами и посадскими людьми).

Учреждение соляного промысла с самого начала столкнулось с серьезными трудностями. Прежде всего потому, что «лес поудалел и мерзл», оказалась невозможной немедленная заготовка дров. Но главной причиной временной приостановки работ стала враждебная реакция местного населения. Пелымские стрельцы во главе с сыном боярским В. Албычевым, отправленные на Неглу в ноябре 1600 г., так и не сумели привлечь окрестных аборигенов к отбыванию повинности. Как явствует из позднейшей отписки тобольского воеводы, «вагуличи в Махтыревых юртах и в иных юртах сына боярского не послушали и его били и стрельцов хотели перестрелять, а к соляному делу не пошли»²². По сути, данное выступление послужило сигналом к той «шатости» и «измене», которые будут наблюдаться среди зауральских аборигенов в период всего Смутного времени. Можно также предположить и то, что оно имело куда более массовый характер, чем это отражено в источниках. В противном случае трудно объяснить все те уступки и крайне осторожные действия, на которые впоследствии вынуждены были пойти местные власти. В этом плане весьма показательна умеренность ответных карательных мер: пелымскому воеводе предписывалось непосредственных виновников происшествия «бити батоги гораздо» и посадить на неделю в тюрьму, дабы «иным вагуличам неповадно было вперед так воровать» (впрочем, неизвестно, было ли указание выполнено). Однако новых попыток привлечь ясачных людей к работам на Негле уже не предпринималось.

Можно выделить несколько причин, вызвавших возмущение вогуличей. Конечно же, они негативно восприняли появление новых и крайне

обременительных повинностей. Их тяжесть не сумел даже сгладить факт освобождения Сибири от уплаты в 7108 (1599/600) г. ясака²³. С другой стороны, приход русских на Неглу означал усиление московского присутствия в регионе и, по-видимому, нарушал права аборигенов на их земли и угодья. Не случайно сами соляные источники, по сообщению В. Власьева, находились «у сосвинского вагулятина у Кокшая»²⁴. Дерзость и решительность ясачных людей во многом могли подпитываться царившей в Зауралье тревожной обстановкой ввиду ожидаемого нападения Кучумовичей.

Угроза приостановки работ по устройству соляного промысла побуждала Тобольск к более решительным действиям. С этой целью часть затрат решено было переложить на плечи верхотурских властей. Однако распоряжение С. Ф. Сабурова о посылке на Неглу служилых и тяглых людей встретило со стороны письменного головы Г. С. Салманова серьезные возражения. Для работ он сумел выделить всего четырех стрельцов и двух пашенных крестьян, поскольку из 46 ратников гарнизона Верхотурья большинство находилось в различных посылках, а тяглое население еще не успело обзавестись хозяйством и могло разориться. В руководстве приказа Казанского дворца одобрили действия уездной администрации и категорически запретили письменному голове привлекать к новой повинности вогуличей и земледельцев, дабы «их тем не жесточить». Вместо этого Г. С. Салманову предписывалось отправлять для соляного промысла «по переменам» стрельцов и казаков или же использовать наемную силу («ис тутошних и гулящих людей помесечно или на год, а найму им дати из нашей казны, смотря по тамошнему делу, как бы было нашей казне прибыльнее»²⁵). Таким образом, столичная бюрократия все-таки извлекла для себя соответствующий урок из неудавшейся миссии В. Албычева и решила на этот раз не искушать судьбу.

К середине 1601 г. все подготовительные работы на Негле были завершены. Только после своего вступления в эксплуатацию промысел перешел под непосредственное руководство верхотурских властей. Следует отметить, что правительство возлагало на него очень большие надежды. Не случайно царские грамоты постоянно напоминали представителям местной администрации о необходимости действовать «не оплошно», дабы «соли наварить вперед на все сибирские города»²⁶. Москву, однако, ожидало жестокое разочарование. Уже летом того же года воевода М. Д. Львов и письменный голова У. В. Новосильцев сообщили о том, что промысел приносит одни лишь убытки, так как не дает ожидавшегося ранее количества соли. В связи с этим В. Власьев предложил даже перейти на реку Покчинку и осуществить там повторный поиск и разработку соляных месторождений. Столица крайне болезненно восприняла попытку Верхотурья ликвидировать промысел на Негле. Ожидая, что затрачен-

ные прежде средства все же окупятся и Сибирь сумеет обеспечить себя собственной солью, приказные дельцы указали на необходимость продолжить начатые работы, одновременно предпринимая поиски новых источников²⁷. Более того, внимательное изучение текста грамоты наталкивает на мысль о том, что закрыть соляной промысел на Негле правительство согласилось бы лишь в том случае, если ему удалось найти достойную замену («лучше прежнего»).

Невзирая на обнаруженные недостатки, центральные власти по-прежнему рассматривали обеспечение функционирования соледобычи в качестве одной из главнейших функций верхотурской администрации, за исправное отправление которой она отвечала, что говорится, головой. Например, в 1602 г. от В. Власьева на М. Д. Львова и У. В. Новосильцева поступила жалоба, заключающаяся в том, что они фактически проигнорировали его просьбы о необходимости присылки на Неглу определенного количества дровозовов. От этого возникла реальная угроза «соляному промыслу за дрова стать». В ответ на имя администрации уезда из Москвы последовал строгий выговор и обвинение в халатности и нерадении. Их справедливость не вызывает никакого сомнения, так как письменному голове всегда предписывалось «досматривать» промысел лично²⁸.

Довольно интересным является вопрос о силах, которые использовались на соледобывающем промысле после введения его в эксплуатацию. Сама по себе данная деятельность требовала значительных усилий и привлечения, помимо квалифицированных кадров (солеваров, цыренного и трубного мастеров), многочисленных чернорабочих (соленосов, дровозовов, дровосеков и пр.)²⁹. В историографии бытует неверное утверждение о том, будто работы на Негле осуществлялись главным образом за счет задействованного в качестве повинности тяглого населения Верхотурского уезда³⁰. На самом деле воеводской администрации запрещалось привлекать на соляные промыслы подведомственных ей посадских людей и крестьян (за исключением нескольких ценовальников, обязанных быть «у нашего соляного дела и у хлебных запасов у приходу и у расходу»). В роли же основной рабочей силы туда посылались казаки и наемные работники. В некоторых случаях к ним могли присоединяться (либо по распоряжению из Москвы, либо по самовольному решению верхотурского воеводы) тяглецы других уездов, прибывших в Верхотурье из Европейской России в качестве сопровождающих хлебные запасы³¹.

Начиная с 1600 г. обстановка в Западной Сибири и Зауралье неуклонно ухудшалась. Верхотурские власти с нескрываемой тревогой сообщали о том, что вогуличи «побивают русских многих людей», крадут их лошадей и «рухлядь», проявляя подозрительный интерес к тому, «тихи ли деи в сибирских городах вести, и где ныне кочует Кучумов сын Алей царевич с братьею»³². Особо опасной ситуация стала в 1604 г. По сооб-

шению источника, весной лялинские и тагильские вогуличи намеревались привлечь на свою сторону аборигенов Сосьвы и подвергнуть грабежу и разорению территории Пелымского и Верхотурского уездов. После этого повстанцы хотели «к Верхотурью под город войною приходить и город сжечь». Замысел провалился лишь потому, что сосвинские вогуличи отказались тогда примкнуть к этому «воровству»³³. Между тем у воевод, ввиду малочисленности гарнизона и недостатка средств вооружения (на защите города состояло всего 8 затинных пищалей, которые к тому же были «не добры и стрелять из них нельзя»), зачастую отсутствовала возможность схватить и наказать наиболее активных смутьянов. Уже не действовали на аборигенов и традиционные методы давления – объявление «государева жалованного слова» и организация угощений для «лучших людей», поскольку последние не выдавали «воров» и изменников, ибо «сами воры и с ними воруют с одново». В конечном счете, власти фактически признали свое бессилие, подчеркнув, что «Верхотурского уезда в лялинских, и в сосвинских, и в тагильских, и в туринских, в ближних и дальних, в вагуличах» наблюдаются «шатость» и «измена»³⁴. В таких условиях только методами дипломатического характера (игра на противоречиях и определенные уступки) можно было предотвратить, казалось бы, неминуемый взрыв.

Не могла не внушать серьезных опасений и судьба соляного промысла на Негле. Находясь в некотором отдалении от уездного центра и не располагая фактически никакой защитой, он был крайне уязвим. В октябре 1604 г. воевода Н. О. Плещеев и письменный голова М. С. Хлопов получили от В. Власьева отписку, в которой сообщалось о намерении сосвинских вогуличей Алпаутки и Тютрюма «с товарищи» «государев соляной промысл сжечь, а его Ворошилка с деловыми людьми побить». В ответ последовала незамедлительная реакция властей: на Неглу под руководством десятника Матюшки Соловья были отправлены 10 стрельцов «с вогненным боем». Нападения не произошло лишь по чистой случайности, поскольку от него «изменников» отговорили «сосвинские же вагуличи пелымского ясаку Батум да Кумыч»³⁵. Самого же Алпаутку удалось поймать и доставить в Верхотурье, где его пытали, а затем по специальному распоряжению Москвы казнили смертью. В последующие месяцы с Неглы регулярно приходили новые известия о готовившихся нападениях вогуличей, однако оказать реальную помощь В. Власьеву присылкой «для береженья» более или менее многочисленного отряда служилых людей и огнестрельного оружия верхотурские власти были не в состоянии.

В апреле 1605 г. в Верхотурье получили царское распоряжение, по которому соляной промысел на речке Негла решено было закрыть. Всю имевшуюся «снасть» свезли в город, работников устроили на пашне, а

В. Власьеву дали расчет в хлебе и деньгах. Основная причина столь решительного шага заключалась не только в убыточности промысла (о том, что «та соль ставитца дорого», Москву предупреждали аж с 1601 г.) и, конечно же, не в отсутствии в местной казне наличного железа, необходимого для ремонта сгоревшего цырена³⁶. Всю поспешность правительства (промыслу не нашли даже соответствующей альтернативы на других территориях уезда или разряда) можно объяснить серьезностью угрозы, исходящей со стороны вогульского населения. Прекрасно осознавая всю слабость собственных сил и средств и взрывоопасность ситуации, Москва решила не искушать судьбу и целенаправленными уступками попытаться уменьшить брожение среди аборигенов.

Судьба соляного промысла на Негле является наглядным примером того, как правительство в погоне за прибылью вынуждено было считаться с общественным мнением. Его устройство положило начало той нестабильности, которая наблюдалась в Зауралье в течение всего Смутного времени. Ликвидация же промысла входила в комплекс тех трезвых и продуманных мероприятий, благодаря которым, несмотря на всю слабость русской власти, удалось достичь закрепления новоприобретенных территорий за Россией и не допустить открытого широкомасштабного выступления со стороны коренного населения.

¹ См. об этом: *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 53.

² См.: *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 76.

³ См.: *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII-начале XVIII веков. М.; Л., 1946. С. 65.

⁴ См.: *Вершинин Е.В.* Судебная компетенция сибирских воевод XVII века (к постановке вопроса) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX веков: Материалы III региональной науч. конф., 19–20 нояб. 1998 г. Новосибирск, 1998. С. 162.

⁵ См.: *Оборин В.А.* Миграции местного населения и их роль в освоении Урала в XVI–XVII вв. // ИСССР. 1974. № 7. С. 71.

⁶ См. об этом: *Вершинин Е.В.* Даурская одиссея верхотурца К. Борзунова (XVII в.) // Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 31.

⁷ См.: *Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись* // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 31.

⁸ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 29.

⁹ См.: *Первое столетие сибирских городов, XVII век.* Новосибирск, 1996. С. 51.

¹⁰ См.: *Корчагин П.А.* История Верхотурья (1598 – 1926): Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2001. С. 92.

-
- ¹¹ Бущинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Тюмень, 1999. С. 285.
- ¹² ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 260.
- ¹³ РИБ. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 285.
- ¹⁴ Там же. Стб. 154.
- ¹⁵ Вершинин Е.В. Воеводское управление... С. 56.
- ¹⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 184–185.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 188.
- ¹⁸ Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края. Екатеринбург, 1998. С. 35.
- ¹⁹ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Вып. 1. М., 1982. С. 77.
- ²⁰ См.: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 3. М., 2002. С. 225.
- ²¹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII веке // История СССР. 1986. № 1. С. 56.
- ²² Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 190.
- ²³ РИБ. Т. 2. Стб. 63.
- ²⁴ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 188.
- ²⁵ Верхотурские грамоты... Вып. 1. С. 77–78.
- ²⁶ АИ. Т. 2. СПб., 1841. С. 54.
- ²⁷ См.: Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 200–201.
- ²⁸ См.: АИ. Т. 2. С. 53.
- ²⁹ См.: Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962. С. 157.
- ³⁰ См.: Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время Смуты (конец XVI – начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 48.
- ³¹ См.: АИ. Т. 2. С. 53.
- ³² Верхотурские грамоты... Вып. 1. С. 145–146.
- ³³ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 215.
- ³⁴ Там же. С. 217.
- ³⁵ Там же. С. 215.
- ³⁶ Верхотурские грамоты... Вып. 2. С. 165.